

КРОКОДИЛ

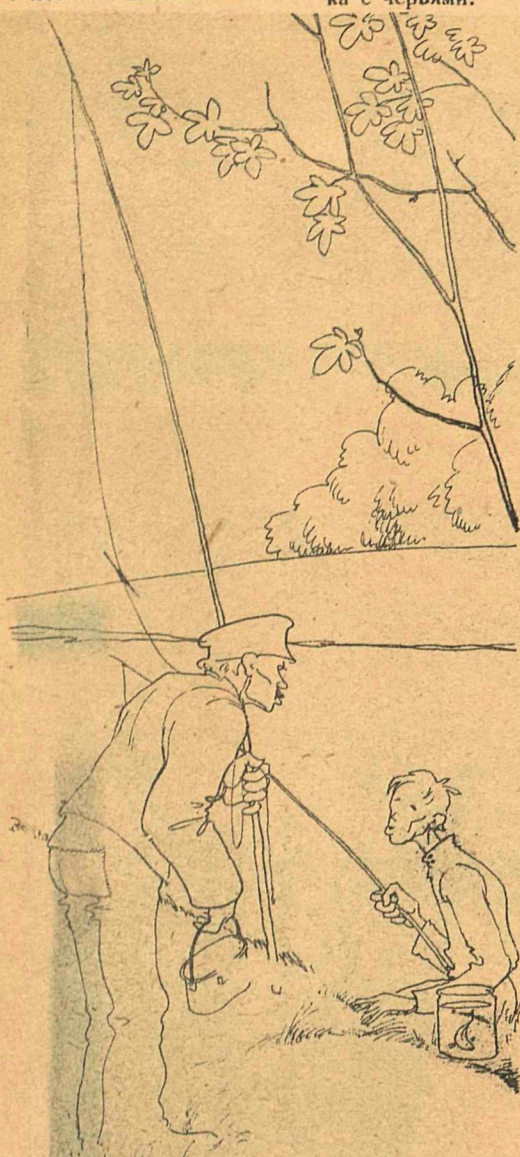
СТРАШНОЕ МЕСТО.
(КАНЦЕЛЯРИЯ).

Рис. К. Елисеева.

— Сколько раз я вам говорил „приходите завтра“, а вы всегда приходите сегодня.

Рис. К. Елисева.

В пекарне № 29
МСПО куплена бул-
ка с червями.

— На что клюет: на хлеб или на червя?
— На французскую булку: в ней есть и то и другое.

МЕЛОЧИ БЫТА.

ДНЕМ С ФОНАРЕМ.

Однажды Диоген, иль диогенский «зам»,
Взяв в руки свой фонарь, с нагугой шурил веко:
— Что, Диогенушка, вновь ищешь... человека?..
Ответил Диоген: — «Старо!.. Какое там!..
Начальства по Москве ищут—и горько плачу..
Начальства, что еще... не вышло на дачу!..»

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН.

Селькора подозвав, один предсельсовета
Так говорил гуманно и умно:
— «Пиши, Семенушка, чай, писем ждет газета..
Хлестнуть по кулачку, ей-ей бы, не грешно..
Пиши, почтеннейший, но не забудь условия:
Чтоб про меня—ни-ни... А прочим на здоровье!..
Селькор был молчалив, селькор не тратил слов,
Хоть информации ждала и ждет газета:
Был в кулаках велик в селе предсельсовета,
Но больше... не было в селе том кулаков...»

М. Андр.

ТРЕТИЙ ЗВОНК, ИЛИ НАБЛЮДАЙТЕ ЗА ЧАСАМИ.

В день упразднения царя
Иван Ильич кричал:— «Заря!..
И простой отмене бога
Отнесся он не строго.

Ногба из'яли букву «ять»,
Иван Ильич не стал роптать,
Найдя, что «е» простое
Писать удобней втрое.

Но третий был из'ят звонок..
Иван Ильич от страху взмок,
Летит быстрее пули:

— «На поезд попаду-ли?»

И громки вопли бедняка:
— «Нак жить я буду... без звонка,
Ноль ни с какого краю
Часов не наблюдаю?»

М. Андр.

В Копенгагене (Дания) фашисты
спровоцировали столкновение с ком-
мунистами; публика стала на сто ону
коммунистов, и фашисты были вынуж-
дены отступить.

Все было подготовлено блестяще. Четверо бродяг нанятые изображать коммунистов, содержались три дня в особом помещении, где их окончательно вырезвели и придали им вполне коммунистический вид: приклеили усы и бороды, надели широкополые шляпы и высокие охотничьи сапоги, заткнули за пояс громадные ржавые револьверы и набили карманы свеженькими, только-что изготовленными прокламациями. Под прокламациями кроме общепринятой подписи Зиновьева, поставлен был для крепости еще целый ряд подписей. Начальник фашистского отряда старательно инструктировал наемников:

— Главное, кричите как можно громче. Долой парламент, долой буржуев, долой фашистов. Вообще—все долой! Понимаете? А потом выхватывайте ваши револьверы и бросайтесь прямо на нас. Держитесь порознь—не сбивайтесь в кучку. Делайте вид, что вас много. Я отдал своим молодцам распоряжение, чтобы вас били совсем легонько, только для виду.

Самый мрачный и самый недоверчивый из бродяг попробовал запротестовать:

— Для виду... Знаем мы, как для виду... Когда свалка начнется,—тут уж никакие ваши распоряжения не помогут. Изобьют в доску. Уж будьте покойны. Не в первый раз я к вам в коммунисты нанимаюсь. Вы за свои деньги норовите человека в котлету превратить.

Предводитель отряда возмутился:

— Вечно вы с своими жалобами! В прошлый раз вам выбили всего три зуба, и каждый зуб был оплачен. И теперь я вам обещаю, что вы получите за каждое повреждение.

— А почему? Повреждение повреждению рознь.

Предводитель вынул блок-нот и быстро набросал преис-курант повреждений, который и был принят после некоторых поправок. Последним пунктом в преис-куранте стояло:

— В случае, если удастся вызвать возмущение широких масс и втянуть в свалку публику,—каждое повреждение оплачивается вдвойне.

Покончив с бродягами, предводитель дал краткую инструкцию своему отряду:

— Они будут ждать нас на площади ратуши. Мы направляемся туда с пением наших песен. Они выбегают из толпы нам навстречу, начинают кричать «долой» и бросать прокламации. Тут мы их избиваем, устраиваем летучий митинг и потом отправляемся к министерству внутренних дел с требованием принять строжайшие меры против коммунистов. Все поняли?

— Все.

— Тогда выступаем. С богом!

Все было задумано блестяще. И все началось именно так, как было задумано. На площади ратуши как раз оказалась очень большая толпа народа. Предводитель отряда еще издали радовался, мечтая о грандиозной демонстрации, которую можно будет устроить. А четверо бродяг, ощупывая ватные подкладки на груди и спине, подсчитывали будущие барыши. В условленный момент они кинулись с четырех сторон к демонстрации фашистов, крича, как было условлено:

— Долой банкиров! Долой буржуев! Долой фашистов! Долой! Долой! Долой! Да здравствует коммунизм!

Фашисты издали свой боевой клич.

Толпа на площади зашумела, задвигалась и заклокотала, явно стремясь принять участие в побоище. Предводитель фашистов гордо выпятил грудь, сверкнул глазами и... И вдруг с побелевшим, недоумевающим лицом обернулся к своему отряду. Над площадью стоял один всеобщий крик:

— Долой! Долой фашистов! Да здравствует коммунизм!

Фашистские ряды дрогнули, смешались, растерялись. Передние отдавливали ноги задним. Предводитель попробовал-было крикнуть:

— Долой коммунистов!

Но в тот же момент слетел с ног. Когда он поднялся—фашисты ударили по всему фронту. Бродяги в огромных охотничьих сапогах изумленно и с тайным трепетом жались в сторонку, как обгорелая спичка на пожаре...

А площадь все бушевала. И только, когда показались внушительные отряды жандармов,—народ стал понемногу стихать.

Через три дня предводитель отряда фашистов с завязанной головой яростно кричал на четырех бродяг:

— Идите вы к чорту, слышите? К чорту! Вы ни копейки больше не получите! Понимаете? Ни копейки! Получили аванс—и хватит с вас!

— Как же так?—бубнил настойчивый угрюмый бродяга.—Все, можно сказать, выполнили в лучшем виде... по условию... Втянули в свалку широкую публику. Значит, вдвойне должны получить. Зря, что-ли, скуло-то у меня свернуто?

— Тебе не только скулу,—тебе голову бы надо свернуть! Широкую публику! Куда вы ее втянули, широкую публику? Вот куда вы ее втянули!

И предводитель отряда отчаянно ткнул пальцем забинтованную голову.

Бродяга мрачно потупился:

— Это уж не наше дело... Широкая публика, она... не дура... Она, публика-то, знает, по которой голове бить...

Вас. Лебедев-Кумач.

КЛУБНАЯ РАБОТА.

Над дверями красного кирпичного здания на красном фоне белыми буквами было начертано:

КРАСНЫЙ КЛУБ ИМЕНИ ТОВАРИЩА ПЕРЕШЕЙКИНА «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».

По мановению завклуба, какой-то худощавый товарищ распахнул двери, и завклубом ласково, но настойчиво пригласил меня:

— Зайдите, товарищ. Расскажите в Москве. Сейчас работа—на полный ход. Зайдите.

Я зашел. Сзади на полшага двигался готовый к объяснениям завклубом.

В первой комнате плакат:

КРАСНЫЙ КЛУБ—КУЗНИЦА ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Вдоль стены скамейки, на скамейке шесть человек в позах благоправных учениц женской гимназии эпохи 1903 года: ручки вдоль ног, глазки в пол. При нашем появлении один было двинулся, но из-за моего плеча высунулся предостерегающе указующий перст завклубом, и движение было приостановлено.

— Должно быть, арестованные! — подумал я и робко промолчал. Двинулись дальше. В соседней комнате было написано:

УГОЛОК ЛЕНИНА.

В уголке стоял книжный шкаф с сочинениями Ленина. На шкафу—полупудовый замок и громадной величины сургучная печать. На стене под надписью—закутанный в серую ткань плоский четырехугольный предмет, очевидно портрет. Зав стоял уже передо мной, горделиво поглядывал на меня и подмигивал глазом на четверых неподвижных рабочих, сидевших под закутанным портретом.

Дальше была библиотека-читальня,—так по крайней мере гласила надпись. Нагнуто запертый и, для прочности забитый самыми большими гвоздями, книжный шкаф. Возле шкафа—девушка в позе вынуженной из саркофага мумии. Против нее—двое, соперничающих в живости со стогом сена, рабочих.

Дверь из этой библиотеки вела прямо в сад. В саду—скамейки, на скамейках—снова неподвижные фигуры—человек семь-восемь.

— Ну, каково?—гордо спросил зав уже на улице.

Рис. Ив. Малютина.

— М-да...—промямлил я: — глухонемые?

— Зачем глухонемые?! Настоящие! Но в клубе у нас разговаривать не полагается. Клуб—святое место. Болтать и на улице можно. А в клубе—ни-ни! Работа должна протекать спокойно. Уголок Ленина видели? Как в столице!

— Вроде. А почему портрет закутан и шкаф... вообще заперт и с печатью еще?

— А как же по-вашему?—усмехнулся зав:—открыть шкаф, портрет нехай пылится, а книжки чтобы пачкались? Читать-то и дома можно, а тут—порядок нужен! Клуб—святое место! Пробовали когда-то без печати просто запереть. И что ж вы думаете? Гвоздем открывали! Разве один за всем усмотришь? Вынут книги и... и читают! Ну, а печати бояться. В библиотеке—проще: сами видели, гвоздями все забито. Зато порядок! А то, мало того, что читают, еще и разговоры начинаются про книги. Ну, теперь, слава богу, мы это ликвидировали. Никаких разговоров!

— И в саду нельзя?

— Сад—тот же клуб. Но в саду, знаете, трудно, не усмотришь. Сидят-сидят, оглянутся, да в кусты. Там и шепчутся. Уж я хотел кусты и деревья повyrубить....

— И ходят все-таки?

— Ходят!—в голосе зав прозвенела мировая скорбь:—разве так ходят? Вон на сталелитейном заводе,—стены ломаются! Так и прут, так и прут.... А разве там клуб? Безобразие!—шум, гам, книги читают, разговаривают... Поверите ли...—зав понизил голос до шепота:—даже смеются! Сам слышал! А у нас—и порядок, и тишина, и все, а посещаемость падает. Вот только человек двадцать постоянно заходят: далеко от завода живут, а на полпути—клуб. Ну, и зайдут посидеть, отдохнуть.... А то—хоть закрывай!..

— Ну, а завком что? Культкомиссия?

— Им что? Разве они клубную работу понимают? Все на меня свалили, даже ответственность за то, что никто в клуб не ходит. Я предлагал—по наряду в клуб сгонять. Кто не явится—штраф. За вторую неявку—из союза исключать, как несознательный элемент, за третью—с работы снимать. Небось, заходили бы!

— И что же?

— С нашим народом разве сговоришься? Меня же и хотят снять, будто я не хожу! Э-эх!..

Вл. Павлов.

— Скверный у нас ВИК. Хорошо бы на него ГИКнуть..
— Что гикнуть! Надо бы ЦИКнуть!

Рис. К. Елисеева.

После допроса.

ПОЛЬША

Слово „Польша“—звучит как „изменник“,
Слово „Польша“—черно как чума.
В Польше, что ни стена, то застенок,
Что ни дом то—глухая тюрьма.

Жизнь—раздавлена конским копытом,
Жизнь—развеяна залпами в прах.
И кричат, содрагаясь от пыток,
Кирричи на тюремных дворах.

Там строчат на рабочих доносы,
Там рабочих (работка—с груба!)
На носилках несут на допросы
И с допросов выносят в гробах!

Польша коршуном диким садится,
В пролетарское тело вонзив
Ядовитые когти полиций,
Контр-разведок и Дефензив!

Ол. Твист.

СПОСОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

В селе Кутькине у меня нашлись старые знакомые: в голодные для города годы я менял у них барахло на муку и на прочее тому подобное нормированное довольствие.

Меня узнали, приветили, усадили за стол—и приступили к вздуванию самовара.

— Чайком поплескаться с дорожки,—радушно сказал Кузьма Митрев, глава и хозяин: — чем богаты! Хотя что наукою дознано: сущит этот напиток человека...

И, внезапно озарившись тихим внутренним сиянием, произнес задумчиво и вдумчиво:

— Теперчи бы, грешным бы дельцем, самогонцу бы... В самый бы раз! Хотя-что, конечно, пьют люди и чай...

Марья, хозяйка, вздохнула. А старый дед Вахрамееч, сложив молитвенно руки, воскликнул:

— Сравнил дерьмо с самогоном!.. Грешно тебе, Кузьма: ответишь за это перед ослом богом! С чаю—сырость в нутре, а самогончику ба чичас... Оссныди божа!..

— Самогон, он пользительнай, — застенчиво добавила Марья. — На муравлях его настоять, то даже он от ревматизи хорош!..

И зарделась, как маков цвет.

— Так что ж, собственно говоря?... — сказал я, пошевелив рукою в кармане. — Я, собственно говоря...!

Но Кузьма Митрев, внезапно омрачившись, тряхнул бородой и заявил:

— Да нету яво, самогона-то! Всее Кутькину нашу село наскрозь пройди, — ни в одной избе не найдешь!

— Маковой!.. Маковой росинки не сыщешь!.. — подтвердил скорбно, потемнев с лица и ссутулившись, старый дед Вахрамееч. — Хучь шаром покати!

А Марья, конфузясь, добавила:

— Ми-илай, и запаху нынче не знаем! Запах-то, и тот позабыли-и!..

И махнула рукою.

— Ммм... Д-да... — сказал я. — Вот оно что! А ведь раньше-то, помню....

— Разливанная море! — радостно подхватил Кузьма Митрев. — На всю округу, бывалыча, славились! Игде самое пьянство? У нас. Игде драки и дебоширство по пьяному делу? У нас, не иначе! Игде Трошка Божикин с пьяных глаз пожару наделал: сам испекся, — и восемь дворов, как корова языком?.. У нас, в Кутькиной нашей селе! А теперчи

вот, — третий месяц вся село чверезая ходит! Государственная дороговата, да и слабка, а от самогону начисто отказались...

— Ага, взялись, значит, за ум? Поняли свою пользу?

Кузьма Митрев мрачно поскреб в затылке:

— Поняли!.. Поймешь, когда председатель у нас такой. Не хощь, да поймешь!

— Энергично повед борьбу, стало быть? Молодец!..

— Молодцеватей где ж уж найтить! Супроти яво—ну, никакая тут сила! Спо-о-собный по этой части!.. Ого!

Марья поддакивающе вздохнула — и пригорюнилась. Старый дед Вахрамееч, уважительно крикнув, добавил:

— Дюже дотошный по етому делу! Главная же причина—село наша Кутькина вся на юру: ни лесов тебе наворот, ни оврагову ни деревца и ни кустика... Где тут схоронишься? Бурили, значит, прямо на селе, а на селе-то какакий дымок за версту тебе, как на ладоши, видать!

— А ему, председателю нашему, и видать не надоть,—угрюмо вставил Кузьма Митрев.—Нюхом чувствует, как гончий пес! Потому—уж очень у него приверженность к етому делу...

— К какому делу?

— Известно, к какому: к православному. Мимо не пронеси, капли не пролей! Чуть только закурился дымок,—он уж и тут: угощай дорогого гостя! Выгонишь четверть, к примеру,—так он бутылки две тут же вылокчет, при тебе, а третью с собой унесет... Да закус ему подавай, да приятелям его поднеси: ну-ко-ся, разочти, во сколь-оно должно обходиться, етое производство?!

— Разорение чистое миру,—с сокрушением прокряхтел, качая бородой, дед Вахрамееч.—Терпели-терпели православные, да и того... бросить пришлось: терпелю нехватило!

Кузьма Митрев закончил:

— Начисто отучил! Закрыли производство,—как отрезало! Пуцай теперчи зубами поляскает: на-ко-ся, удостись!..

И гневно потряс в воздухе кукишем.

Марья вышла в сенцы, грохнула самоварной трубой—и вернулась с бурно kloкочущим самоваром.

— Д-да...—протянул, глядясь, в ясную медь, старый дед Вахрамееч.—Кабы в нашей округе леса были али б овраги... Ну, можно бы глаза отвести!

Кузьма Митрев взял в кулак бороду и возразил:

— Ежели-б да леса!.. Кустарной промышленности теперчи, сказывают, тоже вольготно,—да и у нас какая ж кустарность? Не токма что лесов,—и кустов-то нетути вовсе!..

Грамен

МАСЛО БЕЗ МОЛОКА И ЖУРНАЛИСТ БЕЗ ИНТЕРЕСА К ДЕЛУ.

В № 17 «Смоленской Деревни» напечатана заметка с крупным заголовком:

Неси молоко маслотресту.

Брось прасола и скупщика.

Крестьянин прочтет эту заметку, снова поглядит на заголовок и не поймет, куда и зачем нести молоко? Маслотрест, как видно из текста заметки, объединяет несколько маслобойных заводов Смоленской губернии и за год переработал 1.200.000 пудов маслосемян. Чтобы получить маслосемена прямо от крестьян, минуя скупщиков, Маслотрест открывает в разных местах сыпные пункты. Об этом ясно говорится в заметке.

Но человек, делавший заголовок, без особого внимания к делу скользнул глазами по заметке и решил: раз речь идет о производстве масла, значит, без молока не обойдешься. И мазнул заголовок: «Неси молоко маслотресту». А что будет делать маслотрест с молоком? Как его сыпать на сыпные пункты?

Ждем разъяснения «Смоленской Деревни».

„ВОЕННИЗАЦИЯ“.

К сведению потомства и летописцев современности—выписка из приказа, отданного по нестройной части помощником командира 26-го полка:

«Предлагаю завтра (такого-то числа) представить в хозяйств список семейного комполитсостава, у жен коих предстоят роды до пятого сего месяца».

Увы! Приказание недостаточно точное: в нем не указано, как будут «производиться роды» — по «команде с разделением», или в часы неучебные?!

ТЕР-УМНИКИ.

В терчасти 41-го полка 14-й дивизии призываемые набираются по принципу «полового подбора», т. е., ежели не болен венерической болезнью, стало быть—гож.

— Помилуйте!—возражает призываемый, больной туберкулезом, — вот удостоверение из диспансера... У меня туберкулез и я...

— Венерической болезнью не страдаете?

— Венерической? нет, но...

— Гож!!

Очевидно, сама приемная комиссия наберется по такому скромному принципу:

— Излишками умственной деятельности не страдаете?

— Помилуйте-с, что вы-с?.. В самый обрез...

— Гож!.

НЕГРАМОТНОСТЬ—НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО.

Об избииении селькора Гущиной «Вечерняя Москва» в № 123 пишет так:

Избиение селькорши.

В дер. Клиники избита селькорша газеты «Плуг и Молот» А. В. Гущина...

... А. В. Гущина—селькорша, член волсполкома и делегатка женотдела.

Мы надеемся, что селькор Гущина скоро поправится, будет работать еще лучше и, может быть, со временем станет редактором «Веч. Москвы». Мы даже уверены, что это будет настоящий редактор, а отнюдь не редакторша.

ВЕЛИЧИЕ ВЛАСТИ.

Прислал рабкор такую выписку из правил пользования телефоном, вывешенных в Старо-Константиновской телефонной станции:

Международное сообщение телефонным устройством имеет главной целью облегчить сношения административных органов, как-то: окружного и районных исполкомов и парткомов и т. д.

А в конце 4 подписи: завокрместхозом Чучман, заводуипредприятими Шатковский, завельсестью Кулагин, секретарь Омх Шлепочников.

— Никак, — спрашивает рабкор, — не пойму: 1) почему сношения между двумя городами в пределах 1 округа, 1 губернии и 1 республики называются международными? 2) Что значит выражение «телефонное устройство»? 3) Почему парткомы стали административными органами?

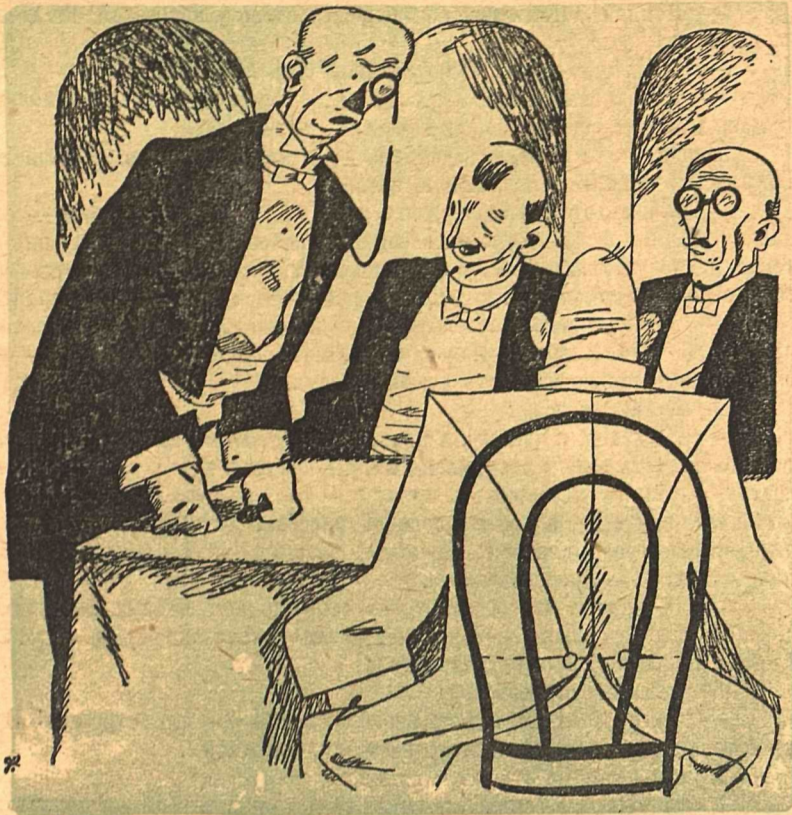
На эти вопросы можно ответить так:

1) Если бы речь шла только о междугородном сообщении, то правила были бы скреплены одной-двумя подписями, а в данном случае документ украшен подписями целой конференции. 2) «Телефонное устройство», в переводе с языка канцелярских крыс на человеческий, означает—телефон. 3) Партком попал в число административных органов потому, что в округе, очевидно, еще очень далеко до ликвидации неграмотности, вообще, и политической в частности.

**ТЫ ПОСЛАЛ МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ОТДЕЛА
ВИЛЬ В БОК ?**

ЧЕМБЕРЛЕН И К^о.

Рис. Ю. Ганфа.

— Господа! Нас упрекают в том, что мы повели новую кампанию против СССР. Где же новая кампания? Кампания все та же.

УВЛЕЧЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЕМ.

Приехал секретарь ячейки и отдал приказ: «доставить ячейку до 100 человек. Пусть, мол, райком знает, какой я есть работник».

«Правда».

I.

— Как? Это—все?—сказал вновь назначенный секретарь,—это список всех членов ячейки и больше никого нет?

— Кандидаты еще,—скромно прошептал техсекретарь,—комсомола человек 15 набегит... А так все.

— Ну, знаете, это не ячейка, а халатная инертность в общепартийном масштабе. Чтобы на таком предприятии было 40 человек членов партии—это неслых...

— В «Красном Гуталине» всего 30 человек—ячейка. А не меньше нашего завод...

— Не указ. Если там расхлябанная индифферентность, это нам не повод для индифферентной расхлябанности. И вообще: ячейка должна быть увеличена до 200,—что я говорю?—до 400 человек!.. Пусть райком знает, что за работник есть Сергей Лобзик.

— Но-но... у нас с конторским персоналом всего 327 человек на предприятии...

— Неважно. Это вопрос технический. А я говорю об организационных методах: пусть райком знает, что есть за работник Сергей Лобзик. Понятно?

— Понятно... товарищ Лобзик...

— То-то. Индивидуальной обработкой я займусь лично...

II.

Метод индивидуальной обработки у Лобзика оказался именно индивидуальной.

На следующий день в помещении ячейки сидел толстый бухгалтер завода, и Лобзик подвергал его обработке:

— А скажите, товарищ Балденков, что бы вы думали насчет вступления в партию? Заметьте: я уже называю вас товарищем, потому что втягивать широкие массы беспартийных...

— Как вам сказать, товарищ Лобзик? Я бы ничего не имел против партии. И если партия со мной одного мнения, то, как говорится, добрым пирком да за свадебку... схожу в баню, отслужу молебен и с богом... По нынешним временам партийным стать всякому лестно. А насчет того, что вы говорите: втягивать широкие массы, это не совсем так. Во всяком случае, до моего ареста я был гораздо толще. Теперь—что: не широкая масса я, а кости. Один скелет остался. Вот до отсидки—действительно были массы.

— А за что сидели?

— Как же: в 1920 году, на Украине, заложником, как полковник царской службы... Единственно за тихий нрав выпустили...

— Ну, вот видите. Партия предвидела будущее. А вообще это не важно: даже товарищ Сталин говорил, что непосредственно революционной ситуации ожидать так скоро не приходится. Значит, и вы сможете у нас поработать. Главное—это увеличить боеспособность партии. И пусть райком знает, как Сергей Лобзик увеличивает боеспособность партии...

III.

— Я бы хотел поговорить с вами наедине, товарищ Кондрашкина...

— Хе-хе... Какой вы шалун, товарищ Лобзик, а еще женатые...

— Так вот: вам известно, что международное положение рабочекрестьянской страны достаточно серьезно. Наши сношения с Западом...

— Ах, оставьте. Какой вы циник, я совсем не хочу слушать про сношения...

— Наши сношения с Западом заставляют нас усиливать мощь республик и коммунистической партии. Я предлагаю вам вступить...

— Ах, нет... я согласна только церковным... Иначе—ни за что! И в гражданский брак вступать не жел...

— Да, нет. Я предлагаю вам вступить в члены РКП. Перевод в следующий разряд будет вам обеспечен. Мы увеличим авангард пролетариата. Пусть райком узнает о деятельности Сергея Лобзика!..

IV.

Райком узнал о деятельности Сергея Лобзика из следующей анкеты вступающих в партию:

ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО: Карасюк, Семен Евлампьевич.

ПАРТИЙНОСТЬ—ДО, ВО И ПО—идеологически беспартийный.

СУДИМОСТЬ—один привод в 1923 году. И то понапрасну. Натрепались, что смыл берданку на базаре. Больше судимостей нет, потому насчет кражи белья оставлен без последствий, как недоказанный.

А ниже значилась на анкете резолютивная надпись:

«Горячо рекомендую тов. Карасюка, как вполне выдержанного элемента».

Райком узнал о деятельности Сергея Лобзика. Но и Лобзик узнал о деятельности райкома.

— Должен вам сказать, дорогой товарищ,—делился Сергей Лобзик с соседом в вагоне,—наши партруководители поступают, как недалекие хищники: снимают сливки партии. Вот, например, за что меня сняли с работы?..

— Именно, именно, гражданин,—сочувствовал сосед,—снимают сливки партии. У меня домик забрали—и, представьте, под партийный комитет отвели... Сливки—партии, а нам, так сказать, остальное...

Лобзик покривился и стал толковать непонятливого гражданина преступную политику райкома.

В. Ардов.

А ИМ НАЧХАТЬ.

Безработный металлист Морозов, проживающий в городе Гжатске, болен хроническим насморком. Врачи послали его в Смоленск. Смоленский губздрав послал его во 2-ю гор. больницу. Там посмотрели и послали на операцию в Москву. Гжатская стражкасса послала его в Москву. Мосздравотдел послал его в Бабухинскую больницу. Там посмотрели и сказали, что операция необходима, но что мест нет, и отправили назад в Гжатск, а потом в ответ на запрос Морозова сообщили письмом, что ему нужно обратиться опять в Мосздравотдел. А оттуда послали в клинику 1-го МГУ. Оттуда ответа еще нет.

Человек, можно сказать, чихает на весь СССР, а всем лечебным учреждениям начхать на это дело.

ЗАМЕНИЛ.

Зав. больницей Камского окр. здравотдела, Уральской области, назначил для замены уехавшей в отпуск акушерки—фельдшера Дмитриева, который никогда не проходил акушерства, в то время как в городе имеются безработные акушерки.

Интересно знать, чем руководствовался зав. больницей, назначая фельдшера на этот ответственный пост? По слухам, новорожденные младенцы подали на зава коллективную жалобу.

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ.

Из «Полеской Правды», № 90:

Рабочие типографии «Полеспечати» выражают глубокое соболезнование

тов. БУКЛЕРУ

по случаю смерти его дочери ГИНДОЧКИ.

Ячейка РКП типографии «Полеспечати» выражает глубокое соболезнование

тов. БУКЛЕРУ

по случаю безвременной смерти его дочери ГИНДОЧКИ.

Бюро ячейки РКП.

Сотрудники «Полеспечати» выражают свое глубокое соболезнование председателю правления

тов. БУКЛЕРУ

по поводу постигшего его горя—смерти дочери ГИНДОЧКИ.

Вместе с тобой, дорогой

товарищ БУКЛЕР,

несем твою великую горе по поводу смерти твоей любимой дочери ГИНДОЧКИ.

Губбюро секции работников печати и местком «Полеспечати» выражают свое глубокое соболезнование члену секции

тов. Я. БУКЛЕРУ.

по поводу смерти его дочери ГИНДОЧКИ.

Соболезнование—вещь хорошая. Но зачем же соболезновать в пяти объявлениях, когда можно было в одном.

И тов. Буклеру было бы приятней не видеть такой бесхозяйственности «Полеспечати».

СТРАННЫЕ МЫШИ.

В Центральном Ново-Зыбковском рабочем кооперативе «Труд» завелись странные мыши. К муке и соли они не прикасаются, зато они усиленно грызут мануфактуру. На днях пропал целый кусок сукна на глазах у всех.

Необходимо срочно командировать туда опытного крысолова; впрочем, можно с успехом заменить его агентом угрозыска.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАПАСЫ.

Рабочие завода «Берсол» (русско-германского акционерного общества) прислали «Крокодилу» коллективное приглашение приехать к ним, в Самарскую губернию, в гости:

«Еще раз просим побывать на нашем заводе, где узнаешь, как снабжают нас водой, как мы задыхаемся в кухне без вентилятора, как калечат рабочие ноги на дырявых тропях. Посмотришь жилище рабочего, клуб—читальню в 2½ арш... Полюбуешься на нашего завклуба, который любит себя восхвалять. Узнаешь, как завком берет с умершего за гроб 10 руб., как рабочих выселяют из квартир в сарай и т. д.)...

Закуски, как видите, заготовлены соблазнительные, да занят «Крокодил» здорово. Нельзя ли пока пошамать у вас заочно?

БУЗА.

Токарь Лаврентий Лихачев, сдвинув на лоб очки и не спеша вытерев руки краем засаленной блузы, наливает из чайника в кружку кипяток и, медленно отхлебывая, визгливым тенорком говорит соседу:

— У нас бюрократ на бюрократе сидит, бюрократом погоняет. В заводоуправление носа не показывай,—отшибут дверь. «Без доклада не входить» и вообще не разговаривать. В завкоме союзную линию согнули в три погребели, аж пищит. Четыре месяца нет собрания! А? Че-ты-ре ме-ся-ца! Что? кто? как?—никакого отчета. Разве это дело? Разве так, по-настоящему, завком должен работать? Мы у станков спины гнем, а они в молчанку играют. Профработники!

Он выплескивает на пол остаток кипятка, ставит со стуком кружку и, закурив, продолжает:

— Засиделись. К стульям приклеились. Начальство изображают. Да разве для того их выбирали, чтоб они в молчанку играли? Че-ты-ре ме-ся-ца! А?

Он останавливается и сейчас же, словно боясь возражений со стороны соседа, торопливо кричит:

— Надо требовать собрания! Пускай отчитаются! Пускай скажут, что они делают. Никаких фиговых-мигелей!

— Попусту горячку тачаешь,—говорит сосед,—как раз на сегодня назначено собрание.

Лихачев смотрит на него в немом изумлении, надвигает на нос очки и протяжно спрашивает:

— Со-бра-ние?

— Ну, да. В 7 часов, в клубе. Завком будет отчитываться.

Лихачев откусывает кусок папиросы, спле-

ывает и, стяхивая пепел с колена, говорит:

— Так, так. Опять, значит, толчение воды в ступе. Опять международную канитель разведут на пять часов, а ты изволь сидеть, как проклятый, и слушать. Восемь часов у станка спину гнешь, аж пот под мышками, после гудка отдохнуть, а они—собрание!

Он с досадой швыряет папиросу и, сдвинув очки на лоб, сердито наступает на соседа:

— Осточертело! Понимаешь? Не желаю я этой антимонии. Не надо мне говорильни. Будет. Наговорились!

— Да ты чего бузишь?—удивленно спрашивает сосед,—сам же сейчас кричал, что собрание нужно...

— Ну и кричал, и буду кричать,—сердито перебивает Лихачев,—слава бывшему богу, рот не заткнули. Собрание! Пускай, кому нравится воду в ступе толочь, на него идет, а я не ходок. Я отдыхать пойду. У меня дома дела есть важной собрания.

Он швыряет инструмент, захлопывает ящик и бормочет:

— Делать нечего, так они собрания устраивают. Профработники!

Архип.

ДОРОГОВАТО.

Тверским кустарям-лодочникам нужно было перебросить часть лодок на реку Увадь, в Кохму. Северные железные дороги потребовали за перевоз каждой лодки по 17 рублей (это за 96 верст пути при весе в 6 пудов). Извозчики взяли за перевоз только по 10 рублей с лодки.

Очевидно, железнодорожники очень смутились: как это, в самом деле, лодки—и вдруг по железной дороге едут. Вот цены и перепутали. А извозчики, им что, они народ бывалый, не такие вещи выдввали.

ЗАВЕТЫ ЗОЛОТАРЕВА.

— Сергей Антонович, а какого вы мнения насчет роли личности в истории?

Да, как вам сказать?—ничего... благожелательного мнения. Конечно, смотри какал личность. Ежели, к примеру, темная личность, так без какой-нибудь истории никак не обойтись. Ну, а ежели личность уважаемая, так не без пользы. Кстати, расскажу вам про себя. Служу я начальником охраны железной дороги. Часть моей команды находится на станции Бельбек, что около Севастополя, там же и поселок Бельбек, а в поселке школа. По служебным делам я часто бываю в Бельбеке, и как партийному члену РКП, поручили мне вести культработу среди населения. Ну, знаете, много трудов положил я на эту самую культработу. А особенно для школы постарался. Всего и не перечтешь, что сделано. Скажу вам откровенно,—понравился я очель в Бельбеке. Полюбили—во как! Прихожу раз в школу и вижу на стене надпись большими буквами: «Дети, учитесь и помните инициатора и организатора Сергея Антоновича Золотарева». Как бы вроде завета. Приятно мне стало. Значит, любят и ценят мою личность.

— Сергей Антонович, по-моему, все-таки неудобно как-то. Вы ведь человек партийный. Поручила вам партийная организация вести культработу, может быть, и заслужили похвалу, но зачем же выпирать этаким благодетелем, как в старое время, бывало, попчители школьные? Нехорошо, как будто, выходит.

— Да, помилуйте, ведь не сам же я себе написал, а все они—учителя. Тут крыть меня нечем.

— Ничего, тов. Золотарев, авось, найдется какая-нибудь покрывка... А то неловко: при вашей скромности, да у всех на виду! Долго ли сконфузиться? Н. Цванкин.

Сифилис в деревне часто распространяется пастухами, так как они по очереди столуются у всех крестьян.

Рис. Ив. Малютина.

ЖИЗНЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ.

— Вот, пастух попался! Заплатили мы ему вперед, а он удрал и оставил нас с носом.
— Это что! Вот наш пастух чуть всех без носа не оставил.

— Только деда обучил,—Машка подросла. Машку стали учить,—дед грамоту забыл.

ПЕУДАЧНИК ПРИТЫКИН.

Сальников небрежно поучал Притыкина:

— И жить — надо уметь, и служить — надо уметь. А у вас ни того, ни другого нет. Везете вы на себе работы — воза три, — а толку никакого. Как сокращение штатов,—так и дрожите вы, как осиновый лист. И не зря дрожите, — потому что, действительно, всегда против вашей фамилии—вопрос. Сокращений восемнадцать было на моей памяти,— и ровню столько же вопросов было в списках против вашей фамилии. Вы когда-нибудь задумывались — почему это так?

Притыкин согнул свою и без того сторбленную фигурку, почему-то перебрал карандаши в боковом кармашке, вскинул на Сальникова близорукие глаза и промолвил, слегка дрогнув губами:

— Думать-то я думал... Только, право, не знаю уж... Судьба, значит, такая... Ведь я работаю не меньше других... Право, не меньше...

Сальников оскалил зубы:

— Не меньше!.. Чудак вы, Антон Ермолаевич! Честно, между нами говоря, — у нас все наше счетоводное отделение на вас держится. Вы всю черную работу на себе везете. Никто у нас так не работает...

— Ну, что вы! Уж вы тоже скажете...

— Помолчите, пожалуйста. Не краснейте, как институтка, — и слушайте. Вы не умеете жить. Вы не умеете показывать свой товар лицом. Если бы администрация воочию увидела хоть десятую часть вашей работы, — никто никогда и не заикнулся бы о вашем сокращении. Вас бы на руках носили. Вы бы первым лицом стали. С главным бухгалтером вместе чай бы пили.

Притыкин смущенно замахал большими красными руками и совсем раскраснелся. Однако то, что говорил Сальников, было ему приятно, и хотелось знать, что он еще скажет.

Сальников продолжал:

— Нужно, голубчик, держаться на виду! Если вы никому не скажете, что вы прекрасный работник, — никто об этом и не узнает. Нужно держаться у начальства на глазах. Чтобы начальство вас всегда перед собой видело.

— Я и так против Сергей Авдееча сижу.

— Э, что там, Сергей Авдееч! Сергей Авдееч сам мелкая сошка! Ему в пору о себе только думать. Я говорю о настоящем начальстве, об Алексее Ивановиче, о главном бухгалтере. Сергей Авдееч — сам на вашей спине выслуживается. Надо хорошенько изучить начальство, узнать, что ему нравится, что не нравится. Вот, например, Алексей Иванович — для вас он главный бухгалтер, царь и бог, начальство — и только. А я знаю все его слабости и знаю, как с ним говорить нужно.

Притыкин чмокнул губами с восторженной завистью:

— Да уж... Он вас очень ценит... Прямо я даже удивляюсь...

— Ничего удивительного нет. Он терпеть не может противоречий. И любит, чтобы последнее слово всегда за ним оставалось. Например, дает он работу и говорит: «чтобы обязательно завтра сделать!» Вы отлично видите, что как ни вертись, а работы не меньше, чем на три дня, — и все-таки этак бодро заявляете: «Хорошо. Сделаем. Завтра будет готово». И обязательно с молодецкой выправкой и с огнем в глазах отвечаете. Он это тоже очень любит.

— Ну, а как же потом-то... с работой-то?

— А работу потом хоть через неделю сдавайте. Ему важно только свою стремительность показать. А потом он и забудет даже... Вот... Это первая его черта. А вторая — тоньше. Вторую — у нас не все даже тут подметили. Алексей Иванович иногда бывает в таком особенном настроении. Этакая на него нападает саниментальная грусть... Жалостливость такая особенная, добродушие... Вот эту минуту и нужно узнать. И подвернуться ему тут на глаза. Тут все равно — курьер вы или помощник бухгалтера, — он с вами заговорит. Подойдет этак ласково и скажет: «Бледный вы что-то, Виктор Петрович... Или вам, например: «Почему, Антон Ермолаевич, костюм у вас такой старенький? Денег нет?

Итак, почему я из Крымского рая В ячейку до срока вернулся назад... У „барышни“ бронзой спина загорает, У меня на загар загорелись глаза. Соленое солнце вжигается перцем, Растаял и справиться с сердцем не мог. А то, что в стихах называется сердцем — „Идеологически-чуждый“ комок. Потом предложила на лодке кататься: „Все едут: Наташа, Сережа, Вадим“... И ехать хотел, и хотелось остаться, И еду,—и вместе—и рядом сидим. И море как вздымать не шалось, И солнце смеялось, себе на уме. Но вот покачнуло. И малость прижалась, Прижалась—вмешалась дурацкая жалость... Для барышни шалость.. а я очумел. Волнуюсь, а рядом волнуется море, Но море чернеет, а я, как бурак, Красною—по двадцать седьмой категории Квалифицированный дурак! В провалы волны зарывается лодка,— Держаться за мачту—полезный совет, Девицы к бортам. Из разинутой глотки В обратном порядке вчерашний обед. Ей дурно. Лежит на скамье, отцветая, Глаза загорнели—медный пятак; Лимоном кормлю—и люблюсь, и таю И чорт те не знает... любовь, или так! А ночью луна в замечательном месте. Сидим, и сердца у обоих стучат. Сидели, болтали и таяли вместе, В отличие от масла—в холодных лучах. Мы моря касаться должны в разговоре, А я о Сомоле случайно сказал... — Ах вы, комсомолец?.. Холодное море Залило, что раньше казалось—глаза. И снова луна. Расфуфыренный фрегик. На ней „бядерка“ и туфли „Дуглас“. Идет и презрительно задницей вертит, И, оной вражая, исчезла из глаз.

Мих. Вольшин.

Семья большая?» И тут ему можно обо всем и про все говорить. И аван он вам подпишет, и отпуск даст, и даже на ишиас свой застарелый пожалуется. Ну, а после этого — разве он сможет вас сократить? Никогда! Разве только станете вы ему уж очень перечить и блеск молодцеватый в глазах совсем потеряете.

Притыкин больше ничего не говорил и только восхищенно смотрел в рот Сальникова, кивая головой в такт его плавной речи.

Сальников вдруг особенно воодушевился, улыбнувшись самому себе в пушистые холеные усы:

— Но самый главный прием — это третий. Особенно он годится в смысле сокращения. Это — прямо трюк!.. Например, узнаете вы, что готовится скоро чистка. И хотите себя забронировать. Что же делаете? Вы идете к Алексею Ивановичу и просите у него взволнованным голосом пять минут для аудиенции. Оставшись с ним с глазу на глаз, вы прежде всего делаете невероятно печальное лицо, опускаете вниз глаза и говорите гробовым тоном: «Ухожу, Андрей Иванович! С завтрашнего дня — ухожу». Он начинает вас спрашивать. Вы отвечаете нехотя, сдерживая в голосе как бы нотки раздражения. Вы говорите, что у вас в отделе — хаос, что вас завалили работой, что вы ночей не спите, что у вас, глядя на дело, сердце кровью обливается. И кончаете тем, что четыре учреждения наперсбой тянут вас к себе, и вы категорически решили уйти. Бесповоротно.

Притыкин задрожал так, как дрожал когда-то в детстве, слушая какую-нибудь удивительную историю с воскресающими мертвецами и необыкновенными разбойниками. Ему было до жути интересно. Сальников нарочно сделал паузу, закурил папиросу и продолжал:

— Ну-с... И вот, когда вы ему так скажете, — он поглядит на вас в упор, подумает и потом вдруг хватит с размаху кулаком по столу:

— «Вы не уйдете! Я вам говорю, что вы не уйдете!» Дело в том, что тут он всегда попадает на удочку,—если человек хочет уходить, сам хочет, — значит, он нужный работник. Эта мысль у него колом в голову вбита. Он с ней и умрет... А вы гните свою линию: «Уйду, да уйду!» Он забегает по кабинету, а вы в это время еще раз повторите все то, что сказали вначале. И прибавьте, что вы страшно устали, что вы больше не можете, что у вас нервы и все прочее. Тогда он остановится и скажет: «Мы с вами еще потом поговорим. А пока об уходе не думать не смейте. Если нужно там прибавить или отпуск, — это я вам устрою!» И вы, сделав печально-покорное лицо, как мученик, идете к двери и говорите, вздыхая: «Хорошо, Алексей Иванович, я... подожду немного». Вот и все. И вы абсолютно забронированы от всякого сокращения. Понимаете?

И, взглянув на часы, Сальников быстро распрощался, бросив на ходу:

— Воспользуйтесь моими советами. Перестаньте быть дураком.

Притыкин, оставшись один в опустевшей бухгалтерии, долго еще сидел за столом, обдумывая сальниковские наставления. У него точно открылись глаза. Он вдруг понял, почему бездельник и шалопаи Тросянкин получает отпуска и повышения, почему полуграмотный Зекин крепко сидит на месте и почему уволили старательного Кротова.

— Чорт возьми... Разве уж рискнуть... попробовать и мне!.. Не сегодня-завтра будет сокращение... и опять предместком сказал, что я на ниточке держусь... Попробовать разве? Рискнуть?... Чем чорт не шутит. Страшно очень... а надо, пожалуй... Надо, надо, — Сальников прав. Нельзя быть дураком. Завтра же пойти к Алексею Ивановичу и...

Притыкин даже зажмурил глаза от своей смелости. И всю дорогу, идучи домой, он перебирал и взвешивал сальниковские доводы и слова, то пугаясь, то вновь набираясь смелости и мечтая о повышении сразу на два разряда и об отдыхе в учрежденском санатории.

Через три дня главный бухгалтер Алексей Иванович, передавая делопроизводителю список сокращаемых, пометил в уголке синим карандашом:

— Притыкину выходного пособия не выписывать, — уволился по собственному желанию. Вас. Лебедев-Кумач.

СОЛИДНАЯ ФИРМА.

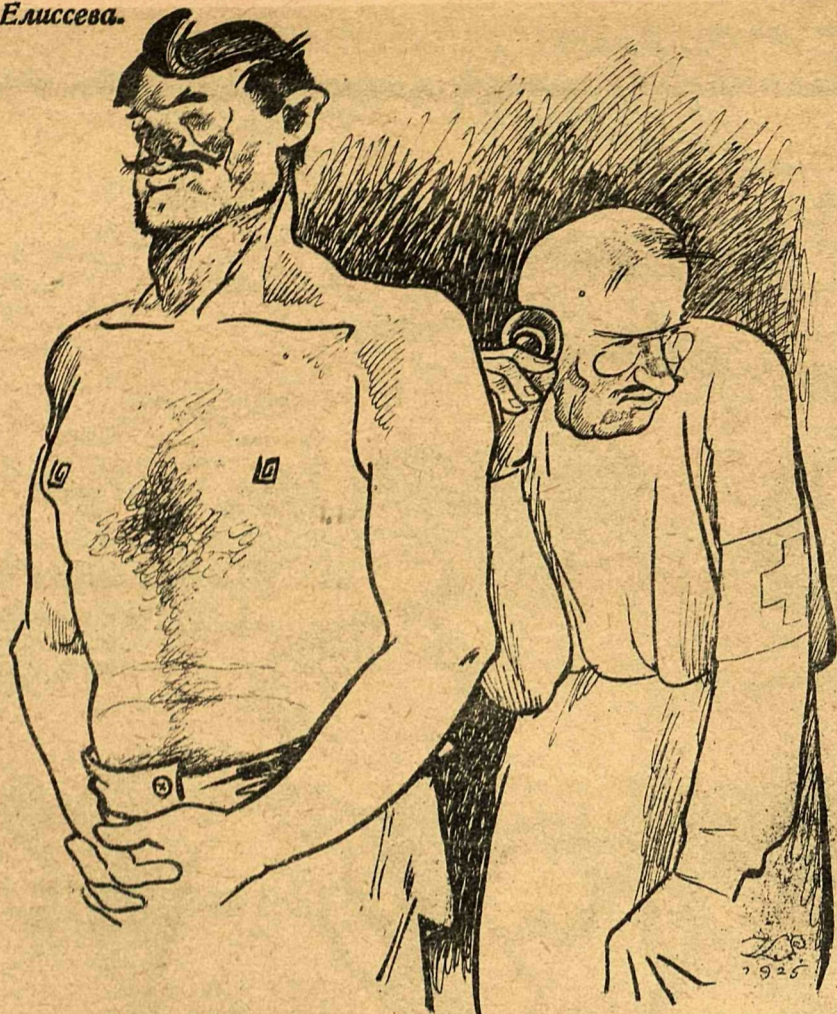
Поля сражений мировой войны показываются на Западе за деньги.

Рис. Ю. Ганфа.

ПРОВОДНИК: —Вот, ваше сиятельство... осколок снаряда, разбившего в свое время три дома и убившего на месте 82 человека, не считая детей.
АМЕРИКАНЕЦ:—Ну, еще бы! Это же снаряд моей фирмы. Видите, даже марка есть.

Рис. К. Елиссеева.

— Ваше пристрастие к пиву вам обойдется не дешево.
— Очень даже не дешево. Вы знаете почему за бутылку дерут?

О ДАЧАХ.

С начала лета на улицах и в трамваях стали встречаться до крайности истомленные лица. Лица эти, по всей видимости, принадлежат советским служащим средних разрядов тарифной сетки, т.е. тем, которые отыскивают себе и своим семьям места летнего отдыха подале от путей сообщения и от удобных для прожизвания мест.

На днях только я наблюдал одно такое лицо, землистого цвета, обросшее неровной бородой, с полувскрытыми глазами, которое оказалось принадлежащим младшему бухгалтеру одного из банков, Сидорову (11 разряд).

— Что с вами?—спросил я.— Больны?

— Нет, — вяло ответил он. — На даче живу...

— Да что вы?—перешел я на шепот из уважения к его положению.—И далеко от Москвы?

— Нет, верст семьдесят...

— Уж не по Савеловской-ли?

— По ней...—глухо прозвучал ответ.

— Тяжело?—допытывался я.

— Очень... В особенности с посудой...

— С какой посудой?

— Со своей... На поездах, в трамваях... То таз сомнут, то коленную чашку вдребезги, то—под дощечку... Никогда не в своей тарелке!

Оба мы тяжело вздохнули.

— Вот у моего знакомого,—сказал я,—тоже случай был... В трамвае... На 27 номере...

— Да?

— От тесноты, понимаете! Почка распустилась и слепая кишка прозрела...

Опять вздохнули.

— И от станции далеко?—спросил я.

— С час ходу...

— Как же так?

— Всеми способами... Часть пешком, через реку—на лодке, часть—на лошади, потом... на

поезде, потом—на трамвае, потом—на автобусе...

— Фу ты! Только что по воздуху не летаете!

— Скоро и полечу...

— Как так?

— А так... На службу каждый день опаздываю... Значит—вылечу!

Я пожал несчастному руку.

— Ну, а семье как? Хорошо?

— Ну, что вы! Комары, болото...

— Да кому ж хорошо?

— А дачевладельцу... 200 рублей! Даже не жалуются теперь, что избирательных прав не имеет и к элементам причислен...

Тут мы расстались с Сидоровым.

Я видел его живым в последний раз. На его похоронах дачевладелец, узнавши, что я был его другом, долго жал мне руку:

— Хороший был человек! Доброй души человек!

В. Авилов.

НЕ ПО АДРЕСУ.

В городе Барнауле распространялась такая афиша:

 * ВСЕ НА ПОМОЩЬ *
 * ДЕТЯМ! *
 * Новость на реке Оби! *
 * Грандиозное гуляние в *
 * пользу 12-го детдома. *
 * Безукоризненный бу- *
 * фет с винами. *
 * Предварительная за- *
 * пись на калеты и про- *
 * дажа билетов произво- *
 * дится в губотделе *
 * загс. *

Ничего не понимаем! Почему в загсе, а не в родильном приюте? Странная афиша, что и говорить!

Жил-был мальчик, нос, рот умеренные, глаза серые, цвет волос неизвестен, потому что борода и усы еще не выросли, а голова была уже плешивая.

Любил мальчик кататься, но не любил саночки возить.

— Потому что,—говорил он с брезгливой миной,—возить саночки—мещанство.

Вообще, это было его любимое слово: «мещанство».

Зеленые щи со сметаной—мещанство, и опера «Кармен» — мещанство, и бульварное кольцо — мещанство, и Охотный ряд — мещанство, и художник Репин, Илья Ефимович—мещанство, и Некрасов — мещанство, и трамвай № 6 — мещанство.

С трамваем у него даже неприятность вышла по этой самой причине. Когда вышло постановление Моссовета не садиться в вагон и не выходить из вагона на ходу, он воскликнул:

— Это мещанство! Это даже пошлость. Потому человек, ежели он не мещанин, а орел и с возвышенным умом, должен презирать всякие остановки и станции.

Он стал нарочно прыгать в вагон и с вагона на ходу. Его штрафовали, но он уплачивал штраф, с пренебрежением говоря:

— Какое мещанство—штраф. Вы ужасный мещанин, гражданин милиционер.

Некоторые милиционеры даже обижались и сердито замечали:

— Не извольте грубить, гражданин. Это вы, может быть, мещанского сословия, а я сын рабоче-крестьянина от самой сохи!

Однажды, прыгая с площадки, он попал под ломовика. Кости оказались целы, но все тело было в кровоподтеках. Когда прикладывали свинцовую примочку к ушибленным местам, он морщился и ворчал:

— До сих пор медицина не вышла из стадии мещанства! В век сирени, мороженого, трубочек с кремом и радио у них свинцовые примочки!

После этого случая он перестал совсем ездить на трамвае.

Когда он брал у кого-нибудь в долг, он прямо заявлял:

— Платить не буду. Это форменное, чистопробное мещанство.

Говорилось это, между прочим, не в момент получения в долг, а спустя два-три дня после совершившегося факта.

Однажды мальчик, который любил кататься, но не любил саночки возить, познакомился с молодой девушкой, совсем еще молодой, лет семнадцати.

Девушка очень любила шоколад и вгрызалась в гранит науки, но он сказал ей, что и наука, и шоколад—мещанство, и что надо целоваться.

Девушке трудно было разлюбить шоколад, и она только перестала грызть науку. Целоваться она тоже сначала отказалась, но он ей три раза повторил:

— Мещанка! Мещанка! Мещанка!

И еще говорил:

— Вы, сударыня, — типический буржуазный строй, что при царе Горохе, и со всеми отрыжками.

Девушка не вынесла «сударыни» и «мещанки» и стала целоваться.

Когда у нее родился ребенок, он сказал ей: — Ребенок—это ужасное мещанство. Я после этого вас даже видеть не хочу.

Случилось как-то так, что дело дошло до суда, и был даже прокурор.

Приговор суда был легкий, ибо судьям тоже не хотелось быть мещанами...

Он, приговор, не поразил беззубого мальчика. Его только поразило одно место в речи прокурора.

Прокурор сказал:

— Слово «мещанство» подхватили невежды и пугают им тех, кто еще невежественнее их. Надо, наконец, понять, что истинный мещанин тот, кто считает мещанином своего соседа...

«Оказывается,—подумал он,—что я всю жизнь был мещанином и невеждой...»

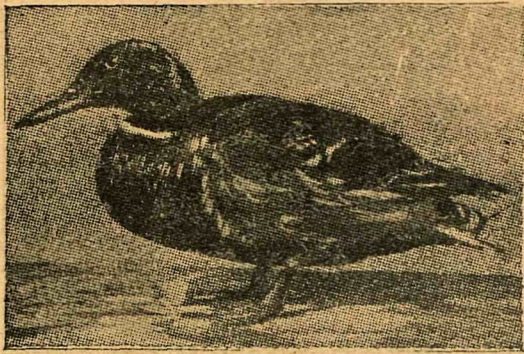
Это так поразило его, что он решил покончить самоубийством. Действительно, стоило ли жить?.. Но в решительную минуту у него появилась мысль:

— Самоубийство... Фи, какое мещанство!

Подумал он это по привычке, сам не сознавая, что он в первый раз подумал правильно.

Н. Перекатов.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

НЕЖНАЯ ПТИЦА.

(Дер. Инютино, Нижегород. уезда).
Утка—птица нежная, требует заботливого обращения. Поэтому И. И. Борисенков срубил 1.600 штук молодой осинки и обгородил ею общественный прудок, чтобы его собственная нежная птица могла беспрепятственно плавать.
Как сообщают, следствие не привело к результатам, ибо против крепости борисенковского сагонона милиция пасует.

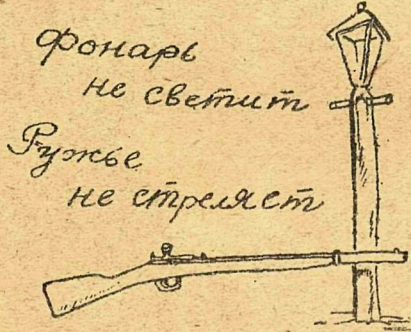
Б.

РЕВОЛЮЦИОНЕР.

(Иркутская губ., Черемхово, копи № 3—4).
Вес головы секретаря рудкома В. Соколова на другой день после первого мая и, вообще, после каждого праздника.

С. № 3—4.

ОБРАЗЦОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.

(Поволжье, г. Сталинград).

На чулочной фабрике блестяще поставлена охрана труда воров.

- 1) Сторожу вручена берданка без патронов.
- 2) Вокруг фабрики и во дворе царит беспросветная тьма.

Ничего удивительного не будет, если сталинградские ворюги поднесут директору фабрики тов. Савченко благодарственный адрес в трогательных выражениях.

Жало.

ДЕЛОВОД Р. В. О.

✳ Сорокинского Района Шахтинского Округа ✳
Антон Яковлевич Донец

21 апреля 1922.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

ЕЩЕ О СОВЧВАНСТВЕ.

Рабочий, приславший нам сей титул из деловодского блокнота, спрашивает: Дорогой Крокодил, скажи мне такую вещь—можно ли иметь деловодам РВО такого рода служебные записки? И что с ними делать, если деловод завтра умрет?

Отвечаем по пунктам. 1) записки иметь можно. На этот счет... закон не писан. 2) Если умрет деловод РВО—наплевать. Остальные совдураки останутся.

ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ—БЛАГО.

(Вышний-Волочек, Тверская губ.).

Когда местком магазина Тверского хлопчатобумажного треста повертывается лицом к деревне—выходит одно беспокойство.

Вот эти книги пожертвованы доблестным месткомом для деревни.
Факт!

А. Правоторов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ДЕЛО.

(Нижегородской губ. и уезда, дер. Юнютино).

Одним росчерком этого пера Уземуправление отказало коллективу «Красный Пахарь» в участке в 10 десятин, который был отведен коллективу лесничим и агрономом и раскорчеван от пней.

Работа пропала даром потому не с того конца начали. Надо было сначала раскорчевать Уземуправление. Там еще пней сидит порядочно.

Бор.

ПЛАЧУЩИЕ ДЕНЕЖКИ.

(Донбасс, Максевка).

Эти деньги брались агентом кооперативного издательства «Рабочий Донбасса» при подписке на собрание сочинений Ленина. Деньги собраны в январе. Где агент? Где книги? Деньги где?

«Рабочий Донбасса»!.. Тебя спрашивают рабочие Донбасса.

СВОЯ СВОИХ НЕ ПОЗНАША.

На всесоюзном съезде селькоров

Это «Крестьянская Газета», которая своих не познаша. Левый снимок помещен в «Кр. Газ.» за март с подписью: Президиум съезда, Новгородская делегатка тов. Бочкова приветствует съезд от крестьянок. Правый снимок помещен в «Крестьянском Журнале» (приложение к «Кр. Газ.») за март же, и подписан: На снимке—президиум

ОХ, НАДОЕЛО.

Этикетка на бутылке столовой воды, купленной в мае сего года в аптеке на Земляном валу, в Москве.

Не дают нам забыть про царя... Не дают!!!
Д. Л.

НЕ ЛЫКОМ ШИТЫ!

Пишут ребята из глухого угла—Тамбовской губ., Кирсановского уезда. Получили две пачки карандашей—не иначе, как из Америки. Этикетки—чорт их разберет, по-каковски они писаны.

Скажем по секрету: мосполиграфские этикетки. Но для смычки с деревней, а заодно и для форсу, этикетка—на французском языке.

Говеровский.

Всем. ВСЕМ. Всем.

Доводится до сведения граждан г. Кинешмы и уезда, что

в Кинешемской аптеке

Ив.-Вознесенского Губмедторга

получены в громадком выборе туалетные и медицинские мыла различных сортов

Кроме того имеется в продаже цветочный одеколон, духи, крем, пудра и т. д.

ВСЕ для ПАСХАЛЬНЫХ КУЛИЧЕЙ.

Цены много ниже частных торговцев.

3-2 Администрация

СТАРАТЕЛЬНАЯ АПТЕКА.

(Кинешма, Ив.-Вознес. губ.).

Это объявление печатаем без примечаний. Вырезано из № 68 «Приволжской Правды».

съезда. Стоит тов. Н. К. Крупская (жена Ленина), она делает доклад селькорам. Снимок—один и тот же.

Воистину по евангелию: правая не знает, что творит левая. А крестьяне почитывают.

Несгоев (Алтайск. г.).

32 ✓

8908

ЦЕНА

ЖУРНАЛА

РОССИЙСКАЯ
3 ИЮЛ 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

КОПЕЕК.

ЧИТАЮ

КРОКОДИЛ